

**ДЕТЕКТИВ
МЕЛОДРАМА**

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денежек
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джек-пот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы

Большие проблемы маленькой блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена – потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда

Талина
РОМАНОВА

Семь
лепестков зла

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 69

Оформление серии А. *Марычева*

Романова Г. В.

Р 69 Семь лепестков зла : роман / Галина Романова. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Детектив-мелодрама Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-65127-6

Молодая сотрудница полиции Альбина Парамонова расследует дело о странной гибели бизнесмена Виталия Рыкова, которую все считают несчастным случаем. Ни у одного из экспертов не вызывает сомнений естественная причина смерти Рыкова. Тогда что же не дает покоя Парамоновой, зачем нужно снова ехать к безутешной молодой вдове Виталия Насте? Несчастная красавица, скорее всего, ничего нового не сможет рассказать. Но возле дома Рыковых Альбина неожиданно встречает аж двух своих поклонников — коллегу Сергея Иванцова и бывшего возлюбленного — журналиста Влада Сиротина. Причем последнего толком разглядеть не удастся. Машина Влада на огромной скорости проносится мимо Альбины. Неужели он следит за ней? Однако на следующий день оказывается: Сиротин погиб накануне в автокатастрофе. И опять в один голос все уверяют Парамонову в том, что это был несчастный случай...

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Романова Г.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65127-6

ШАВА 1

Двор его дома был погружен во тьму. Влажную, прохладную, сентябрьскую. В доме светились лишь два окна на третьем и втором этажах. Первым было окно спальни его квартиры, где десятью минутами раньше разыгралась банальная скверная история. Второе принадлежало тихой пожилой женщине, видимо страдающей кучей старческих болячек, не дающих ей спокойно спать. Ее грузный сутулый силуэт то и дело мелькал за тонкой тюлевой занавеской, и это ему мешало.

Мешало спокойно сидеть и мрачно думать. Мешало просто мерзнуть и без конца заставляло поднимать взгляд к своему окну и задаваться нелепыми прозаичными вопросами.

Он же был удачливым парнем. Успешным, смелым, отчаянным, веселым, привлекательным. С лихим кудрявым чубом, чудной белозубой улыбкой и энергичными действиями, так устраивавшими всех его знакомых девчонок. Ему все удавалось, что задумывалось. У него все выходило. Как же так получилось?! Как вышло, что все это исчезло: привлекательность, удачливость, отчаянность?! Осталось одно отчаяние! Осталось

унылое бледное лицо, невыразительный взгляд потухших серых глаз, неглаженные брюки, растянутые свитера. Осталось жалкое тусклое существование с полным отсутствием просвета впереди.

Почему?! Где он ошибся?! Где не туда свернул? Где не то выбрал?!

Он опустил ногу, уперся носком ботинка в сырую землю и оттолкнулся. Старые ржавые карусели, тихо взвизгнув, медленно поехали влево. Он оттолкнулся еще и еще раз. Карусельное движение ускорилося, визг окреп, и тут же сутулый силуэт пожилой женщины замер у подоконника. В его окне никакого движения не наблюдалось.

Через пару минут ему надоело наблюдать, как за ним наблюдают, и он остановил карусели. Поужил, подняв воротник легкой куртки повыше. Ему было очень холодно и противно сидеть здесь. После частых дождей старые доски карусельных сидений набухли, и брюки насквозь промокли. На нем не было носков, потому что он снял их, когда вошел в дом. Он еще не знал тогда...

Он выскочил из дома в домашних тапках на босу ногу. Вместо того чтобы устроить дикую разборку этим двоим, совокупляющимся в его постели, он удрал. Постыдно, трусливо удрал! Но противно ему сейчас не только от паскудства, устроенного этими особями, разрушившими его жизнь. Не только от собственного трусливого бегства. А оттого, что он сказал, пятясь к двери.

Что?

Да он извинился!!!

— Ой, — пискнул он по-бабьи, увидев монотоннодвигающийся мужской зад, и попятился к

двери спальни. — Кажется, я не вовремя? Простите!

И ему потом казалось, пока он летел по лестнице вниз с третьего этажа, что эти двое хохочут ему вслед. Громко, надсадно, до хрипоты хохочут!

И вот теперь, сидя в темном сыром дворе, насквозь продуваемом сентябрьским свежим ветром, он вдруг понял, что не хочет жить. Нет, не то чтобы совершенно не хочет. Не так, чтобы его зарыли в землю. А так, как жил, он жить не хочет!

И как быть?! И что теперь делать после принятия такого вот мужского будто бы решения?!

Он вздохнул и полез с каруселей. Сделал шаг в сторону подъезда и споткнулся.

Как же так?! Он же решил поменять жизнь, тогда почему возвращается?! За ботинками? Точно! Ему нужно переобуться, собрать вещи и...

Идти ему было некуда. Его никто и нигде не ждал. Никто. Нигде. Он пошел по двору. От подъезда к подъезду. От двери до двери. Смешно, крадучись, как вор. Кто мог увидеть его в домашних тапках на босу ногу в этот поздний час? Кто мог разобраться в путанице его горьких мыслей? Кто мог пожалеть, осудить, посмеяться над ним?

Никому до него не было дела, никому! Даже пожилая женщина угомонилась, погасив свет в своей квартире. Болячки устали ее донимать, позволив уснуть глубокой ночью? Или она настолько привыкла к боли, что...

— Эй, прекрати топтать!

Голос, раздавшийся от приоткрытой двери его подъезда, был ему незнаком. И принадлежал он женщине.

— Вы мне?

Он обернулся, поставил ладонь козырьком над бровями. Свет фонарного столба бил в лицо, и рассмотреть лицо говорившей было невозможно.

— Тут что, еще кто-нибудь есть?! — фыркнула женщина. — Тебе, конечно! Сначала каруселями скрипит, теперь топает под окнами! Сил нет слушать!

Понятно. Это та самая тетка, что не спит ночами из-за болезней.

— Извините, — пробормотал он и стал себе еще более ненавистен.

Почему было не послать злобную бабу куда подальше? Почему он все время извиняется? Он по общему двору топает, не по ее квартире!

— Чего домой не идешь, Анатолий? — вдруг спросила она и отступила за дверь, впуская его в подъезд. — Сначала вниз промчался, как олень. Теперь назад не идешь. Поругался, что ли, с Лизкой своей?

Она и имена их знает! Ну, ничего себе! Он вот лично с ней не знаком, хотя и живет в этом доме уже пять лет. Да, точно. Как с тестем поругался из-за Лизки опять же, так и вернулся в родительскую квартиру. Думал, что все у них сложится великолепно без опеки Лизкиных родителей. Не сложилось! Мало того, все пошло кувырком с того самого дня, как молодые гордо хлопнули дверью. И не вредил им никто. Ни тесть, ни теща, хотя оба между собой постоянно соревновались в степени влияния и значимости. Нет, не было ничего такого. Они вообще не лезли. И в результате их с Лизкой семейный крейсер превратился за пятилетку в утлое суденышко. И то сегодня вечером пошло ко дну.

— Поругались? — снова пристала женщина и, ухватив его за рукав куртки, повернула к себе.

«А она не так уж и стара», — вдруг решил он, присмотревшись. Сутулая, это да. Но не старая. Лицо почти без морщин. И фигура еще хранила округлости, несвойственные старости. Одетая в джинсы и джемпер крупной ручной вязки. Чего тогда Лизка врала, рассказывая, что тетку со второго этажа болячки одолели и она не спит ночами? Привычно считает, что все, кто старше двадцати пяти, уже древние?

Вспомнив о своей молодой жене, которой едва исполнилось двадцать пять лет, вспомнив о ее молодом сочном теле, отданном на поругание не пойми кому, он чуть не заскулил.

За что ему все это?! Что он такого сделал?! Он же любил ее. Холил и лелеял, как мог! Да, не получалось, как у мамы с папой, но никто же не обещал, что все будет непременно так же!

— Поругались? — в третий раз спросила женщина и ответила за него: — Вижу, что дело плохо. Даже хуже, чем поругались.

— Хуже, — признался он, и ему вдруг захотелось разрыдаться на плече этой женщины, которой он своей ходьбой по двору мешал уснуть. — Она... Она...

— Снова притащила в дом любовника? — вздохнула соседка и с кивком ответила самой себе: — Можешь не говорить ничего, и так все знаю.

— Вы?! Знаете?! Откуда?!

— Вижу потому что. И все видят. — Она вздохнула и потащила его к ступенькам. — Пошли за мной. Чаем тебя напою, а потом домой пойдешь.

— Не могу! Не могу я! — Он вцепился в лестничные перила, замотал головой.

Чего он не мог: пить чай в чужом доме посреди ночи или домой идти? Или и то и другое вместе?

— Все ты можешь, — хмыкнула она, прищурив глаза. — Все всё могут, только хотят не все. Идем...

А потом он сидел в чистенькой уютной кухне с полками, уставленными банками с вареньем и маленькими корзинками с сушеными цветами и фруктами. Пил чай с Марией Ивановной — так звали женщину, страдающую бессонницей, — и слушал страшную историю ее жизни.

— Как же вы могли?! — вопрошал он между третьей и четвертой чашкой чая. — Убить!!! Убить собственного мужа!!! Отца своих детей!!! Это... Это так страшно!!!

— Страшно, мальчик, просыпаться среди ночи от дикого стука в дверь или в окна. Страшно прятаться в огороде, когда он выскакивал за нами следом с заряженным ружьем. Страшно, когда он разряжал его все равно куда. Однажды... Однажды пуля пролетела всего в десяти сантиметрах над головой дочери. Я только и поняла потом по обломившейся ветке... Страшно, когда он приводил в дом друзей и грозился отдать меня им.

— Отдал?

Все внутри его восставало против этой дикой истории. Хотелось заткнуть уши, выбежать, роняя тапки, снова во двор и бежать через весь город. Все равно куда, лишь бы подальше от этой женщины. Но он, как замороженный, все равно сидел и слушал.

— Я долго ждала этого момента, — вспоминала она, глядя невидящим взглядом сквозь него. — Он часто уезжал, часто возвращался. Иногда с день-

гами. Чаще без. Никто не знал, где и чем он зарабатывает. Все предрекали ему беду. Сгинешь, говорили многие, в далеком краю. И костей твоих никто не найдет никогда. Не нашли... Никогда...

— Вы?

— Я! — Она победно ухмыльнулась, лицо сразу стало жестче, старше, обозначились морщины, тяжелые круги под глазами. — Я дождалась очередных его сборов. И ночью, когда он пошел к двери с вещами, вызвалась его проводить за деревню. А знаешь, как у нас за Уралом? Там за деревней сразу тайга. В этой тайге он и лежит до сих пор. Вернее, в болоте.

— Вы... Как вы его?!

Он судорожно сглатывал, чувствуя одновременное желание укрыться от ее слов и в то же время испытывая какое-то напряженное удовольствие от продолжения ее истории. Ему вдруг захотелось узнать все, все. Как это было? Нож? Ружье? Топор? Как хрустели кости? Была кровь? Осознала ли жертва, что с ней произошло?

— Это не так важно, сынок! — вдруг оборвала она свое красноречие протяжным зевком, обнажившим вставные зубы.

Его замутило.

— Важно то, что я все продумала до мелочей. Я хотела, и я смогла. И я стала свободной. И дети мои тоже. И выросли нормальными хорошими людьми. И ты...

— Что я? — не понял Анатолий, поднимаясь с ее удобного стульчика в красивом вязаном чехле.

— И ты сможешь, если захочешь!

Она наступала на него, тесня к выходу, — большая сутулая женщина с одутловатым, оттого и не

морщинистым лицом, с холодными глазами в обрамлении бесцветных ресниц. Он отступал, нервно сжимая пальцы в кулаки в карманах куртки. Ему очень хотелось услышать главное: как, как она это сделала?

— Я не смогу! — выпалил он, уперевшись спиной в головку английского замка.

— Сможешь, если захочешь!

— Что?! Что я смогу?! — заныл он, она отодвинула его в угол и теперь открывала замок. — Что я должен суметь, Мария Ивановна?!

— Ты?

Она удивленно смерила его взглядом с головы до голых пяток, хмыкнула снова. А потом сказала те самые страшные слова, которых он так боялся и которые так жаждал от нее услышать.

— Ты должен ее убить, Анатолий.

— Я??? Убить??? — Он осип, ослеп, мотая головой из стороны в сторону, без конца ударяясь о стены, оклеенные красивыми полосатыми обоями. — Лизу??? Я не могу!!! Как я смогу это сделать?! Это ужасно! Чтобы я убил Лизу!!! Я убил свою жену!!! Это невозможно!!!

— Тогда она выгонит тебя из твоей же квартиры, — зашипела со странным присвистом соседка, выпихивая его на лестничную площадку. — И станет смеяться над тобой. Вместе со своим любовником. Кстати, он моложе ее на пять лет. И у него...

Он не дослушал, резко дернул за дверную ручку. И захлопнул дверь до того, как узнал, что же такого есть у Лизкиного двадцатилетнего любовника, чего нет у него.

Противно, мерзко, страшно!

И история жизни этой женщины, и подначки ее.
— Провокаторша! — просипел он, покосившись сквозь лестничный пролет на ее железную дверь. И уже сам себя уговаривая, пробормотал: — Всегда ведь можно развестись. А квартира... Она досталась мне в наследство, Лизка не посмеет...

ШАБА 2

— Фигня какая-то! — возмутилась Лиза и, оттолкнувшись от подоконника, прошла к своему столу в дальнем углу.

— Ты чего, Лизок?

Соседка по кабинету, Ирочка Васина, пухленькая миленькая брюнеточка, на минуту оторвалась от своих документов, взглянула на коллегу поверх очков и вздохнула, потому что Лиза казалась очень расстроенной. А это значило, что ее придется сейчас расспрашивать, потом советовать и, возможно, даже утешать. Ничего этого Ирочке страсть как не хотелось делать. Не было времени — раз. Не было желания — два. И утешать советами Лизку — все равно что делать искусственное дыхание мертвой собаке. Бесплезно и противно одновременно.

Та еще была штучка — эта Лиза Шебанова.

Родилась в приличной семье. Красавицей родилась, не уродиной. Получила хорошее воспитание, образование. Заполучила потом себе в мужья хорошего порядочного парня. Родители им выделили целый этаж в своем доме. Живи,

казалось бы, и радуйся. Наслаждайся жизнью, комфортом, удобствами, милостиво предоставленными родителями.

Нет же! Чего-то ей все время не хватало. Сначала самостоятельности: родители будто бы отслеживали каждый их шаг. Рассорила мужа с отцом, добилась своего. Съехали из дома. Поселились в квартире покойных родителей ее мужа. И что? Мир и покой воцарились?

Как бы не так! Лизке тут же должность мужа показалась непрестижной. И она давай его с одной работы на другую мотать. Как шар бильярдный, честное слово! И добилась не пойми чего: пропал мужик. Лишился работы, его вообще теперь никуда не берут. Лишился уважения, сам себя, кажется, уже не уважает. Подрабатывает теперь где придется. Похож на бродяжку, честное слово!

А Лизка что? А ей все нипочем. Она начала крутить роман за романом. Почти под носом у собственного супруга. Хотя его теперь и супругом-то назвать сложно. Видела его тут Ирочка на днях — совершенно потерялся мужик. Обросший, неухоженный, грязный. Она всерьез подозревала, что Лизка его домой не пускает. А ведь квартира-то его! Но ей ведь разве докажешь!

Теперь вот новую фишку придумала. Следит за ней будто бы кто-то! Кому она нужна?! И зачем?! Анатолий и так знает про все ее художества. Отец тоже. И кому надо за ней следить?

— Это она, чтобы собственный статус в глазах общественности повысить, — предположила в курилке позавчера Валя Носова. — Опустилась ведь ниже шлюхи портовой. Кто ее только не пользует-

ет! Многие уже нос от нее воротят, да! Вот и придумала фишку со слезкой. Эдакий пикантный нюанс, да?..

Ирочка не дождалась ответа от Лизы Шебановой и снова углубилась в изучение документации. А когда глаза подняла, ее в кабинете уже не было. Причем отсутствовали и сумка, и плащ.

— Лизка совершенно обнаглела, — пожаловалась на нее Ирочка в курилке.

— Что такое? — Все дамы разом — а было их шестеро — вытянули шеи, разгоняя табачный дым любопытными носами.

— Взяла и среди рабочего дня ушла. Сначала постояла у подоконника. Все бормотала что-то. А потом я голову подняла, а ее и нет.

— Ей кто-то звонил, когда она по коридору бежала, — вспомнил кто-то.

— Бежала?!

Представить вальяжную, медлительную Лизу бегущей было сложно. Все удивились. Начали сразу шуметь, фантазировать, вспоминать о всяческих ее причудах в последние дни. Потом разом потушили окурки, сошлись во мнении, что блядство до хорошего еще никого не доводило, и разошлись по кабинетам.

А утром следующего дня их всех застигла врасплох тревожная новость, что в кабинете генерального заседает целая делегация из следственных органов. Все тут же принялись рыться в столах, пытаясь избавиться от чего-то, не предназначенного для чужого глаза. Такого практически не находилось, давно и плодотворно работали по-честному. Потихоньку потянулись в курилку, гадали, охали. И тут...